

ЕЛЕНА АРКАДЬЕВНА ГАЛИНСКАЯ
Московский университет

Некоторые аспекты русской исторической лингвогеографии (к истории рефлексов *ѣ в русских говорах)

Одной из важных задач русской исторической диалектологии и лингвогеографии является создание диахронических лингвистических карт, демонстрирующих распространение тех или иных фонетических изоглосс в определенные периоды прошлого, и сравнение конфигурации этих изоглосс с нынешней проекцией соответствующих языковых явлений на географической карте. Для решения этой задачи необходимо привлечение обширных материалов датированных и локализованных памятников письменности, отражающих особенности местной речи. Наиболее целесообразным в плане лингвистической реконструкции представляется выбор синхронного среза, ограниченного концом XVI – первой половиной XVII века. Нижняя граница этого периода обусловлена тем, что именно начиная с конца XVI века практически все территории исконного распространения русского языка оказываются представленными памятниками деловой письменности, пригодными для лингвистических реконструкций (в основном это относится к фонетике, уровню языка, особенности которого наиболее достоверно отражаются письменными источниками). Верхняя же граница — середина XVII века — выбрана потому, что 50–60 лет — это период жизни одного поколения, в течение которого скольконибудь существенных языковых изменений не происходит. Языковые процессы, протекавшие в последующие три с половиной — четыре столетия, привели в некоторых случаях к существенным передвижениям изоглосс на лингвистической карте.

Примером того, как видоизменился языковой ландшафт за последние четыре века, может послужить описание реализации рефлексов *ѣ в западной диалектной зоне, а именно: в собственно новгородском диалекте в узком смысле слова; в говорах северо-восточной новгородской периферии — диалекте Тихвинского региона, входившего в состав Обонежской пятины¹, и, наконец, в торжковских говорах.

Дальнейший анализ собственно новгородского диалекта конца XVI – первой половины XVII века базируется на материале текстов делового содержания. Было изучено 275 челобитных грамот из столбцов Поместного приказа (Новгородская приказная изба), хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА фонд 1209)². При цитировании материала рукописных источников указывается номер столбца по описям 1209-го фонда РГАДА, номер дела в столбце Поместного приказа, если столбец разбит на отдельные дела, что бывает не всегда, и, наконец, номер листа. Графическая система оригинала при цитировании несколько упрощается: так, синонимичные буквы *я*, *л*, *та* передаются буквой *я*, а *о* и *ш* — буквой *о*, *і* десятеричное — широким *и*, *ѣ* — буквой *ф*.

Прежде чем приступать к лингвистическому исследованию, следует удостовериться в том, что выбранные челобитные действительно отражают говор Новгорода или новгородской земли в узком смысле слова. Для этого нужно выяснить, кем писались и где писались изучаемые тексты.

Содержание челобитных, как правило, таково: это либо ходатайство о выделении земли в одной из новгородских пятин, либо просьба официально закрепить обмен землями между родственниками или соседями, либо обращение к царю с просьбой не взимать пошлину с поместья ввиду неимущего состояния владельца. Место написания челобитных обычно не указывается за исключением тех случаев, когда они написаны в Москве (эти челобитные, естественно, к анализу не привлекались). Судя по всему, грамоты писались не самими челобитчиками, а профессиональными писцами. Во всяком случае, обычной является ситуация, при которой две челобитных от лица одного и того же человека написаны разными почерками. Иногда на оборотной стороне грамоты находим запись о том, что вместо неграмотного челобитчика некто другой приложил руку. Бывают случаи, когда руку прикладывают сами челобитчики. Так, на обороте челобитной, которую подали в Посольский приказ Макар Скобельдин и Богдан Мяжкой с тем, чтобы за ними официально закрепили пустоши в Шелонской пятине, которыми они обменялись, имеются две записи: 1. *к се^у челоби^тнои Дмитре^у Скобе^уцы^у в Макарьево место руку приложи^т* (то есть вместо одного из челобитчиков); 2. *к се^у полюбо^уно^у челоби^тно^у Бо^уда^у Мя^укои руку приложи^т* (то есть второй челобитчик лично) 43363, д. 6, л. 1 об. Очень редко в конце челобитной указывается, кто ее писал: *а запи^с писа^т Дева^тко Ивано^у* 43280, л. 83.

Важно было выяснить также, где писались челобитные — на территории тех новгородских пятин, к которым были приписаны чело-

битчики³, или в Новгороде. Вероятно, на новгородской периферии челобитные создавались в редких случаях, когда речь шла о полюбовном обмене поместьями либо о передаче кому-либо своего владения (в частности, поступались в пользу своих сыновей поместьем вдовы женщины, решившие постричься в монахини). В таких случаях на обороте имеется приложение руки, чаще всего — местного священника. Ср.: *к се^у челоби^тно^у спаско^у по^у рове^{ско} [Лв]ище Василье^в в дочери своеи мисто дхвно^у Ма^рѣ Михаило^{ско} жены Костюрина руку приложилъ* 42788, д. 2, л. 1. Грамот подобного рода в общем корпусе текстов мало. В дальнейшем изложении написания, извлеченные из этих грамот, будут оговариваться особо с указанием новгородской пятины, где создана та или иная челобитная.

В остальных случаях грамоты, скорее всего, писались в самом Новгороде, там, где их передавали в местные органы власти. Бывает, что в грамоте содержится конкретное указание на то, что челобитчик прибыл в Новгород и послал челобитную оттуда:

а я холо^у твои о томъ помѣсте^уцы би^ѣ челомъ тебѣ з^дрю в Великомъ Новегороде приволокхися с ко^рму с Костромы 43363, д. 15, л. 6;

бы^ѣ я холо^у тво^у до ве^рста^я и по^{ле} на ко^рму в Ростове и нне з(осу)дрь приволо^{ся} в Ве^нки^и Но^горо^д и скитаюся бе^з при^тани Там же, д. 17, л. 1;

а зде^с в Новѣгоро^{де} по моско^{ско}и дачи то помѣстье за ни^и за Ивано^у за бо^ши^и Ватазины^и не справлено Там же, д. 4, л. 1.

и н(ы)не з(осу)дарь то^т губ^{но} староста Василе^у Скобе^уцынъ здѣся в Великомъ городе и книги приправо^чные и о^тписные приве^с с собою в Велики^и Но^горо^д 43311, д. 2, л. 7.

Есть случай, когда новгородский площадной писец сообщил, что именно он составил поручную запись: *а запи^с писа^н Иле^нка Ждановъ с площа^{ди}* 23459, л. 125.

Таким образом, можно сделать вывод, что подавляющее большинство челобитных, поступавших в Новгородскую приказную избу Поместного стола, пригодны для реконструкции новгородского диалекта в узком смысле слова, ибо были написаны профессиональными писцами в Новгороде.

Судьба древнего *ѣ отражена в исследованных челобитных грамотах следующим образом. Наряду с этимологически правильным употреблением буквы ѣ (примеры здесь не приводятся ввиду их стандартности) отмечается замена на е и на и, причем во всех позициях — и перед мягкими, и перед твердыми согласными, и в абсолютном конце слова.

Примеров замены **ѣ** на **е** в ударных слогах имеется достаточное количество. Приведем лишь некоторые из них.

Перед твердыми согл.:	Перед мягкими согл.:	В конце слова:
<i>де^ѣками</i> 43363, д. 2, л. 9;	<i>дети</i> 43363, д. 33, л. 11;	<i>мне</i> 23459, л. 313; 43363,
<i>бе^ѣная</i> 23459, лл. 50, 319;	<i>дете^ѣ</i> 23459, л. 313;	д. 27, л. 1;
<i>бе^ѣвно</i> 43363, д. 24,	<i>не еде^ѣ</i> 43363, д. 33, л. 11;	<i>тебе</i> 23458, л. 9;
л. 1;	<i>приде^ѣ</i> Там же;	<i>во^ѣче</i> 23459, л. 306;
<i>нет</i> 43363, д. 38, л. 1;	<i>владею</i> 4363, д. 20, л. 1;	<i>две</i> 43280, л. 92
<i>Обе^ѣнибесо^ѣ, Обе^ѣнибе-</i>	<i>владе^ѣ</i> 43363, д. 24, л. 1;	и т.д.
<i>сову</i> 42777а, д. 8, л. 1;	<i>не ездѣ^ѣ</i> 42757, д. 8, л. 9;	
<i>згорела</i> 43363, д. 24, л. 1;	<i>в...уе^ѣдѣ</i> 23458, л. 9;	
<i>велел</i> 43280, л. 169;	<i>поме^ѣть^ѣ**</i> 43363, д. 39,	
<i>не^ѣчико^ѣ*</i> 43280, л. 169	л. 1 и т.д.	
и т.д.		

Пример обратной замены только один: *владѣти нѣпочему* 42768, д. 13, л. 2.

При этом имеется целый ряд написаний с буквой **и** на месте **ѣ** в тех же позициях – перед твердыми, перед мягкими согласными и в абсолютном конце слова.

Позиция перед твердыми согласными

би^ѣная 43363, д. 42, л. 1; *би^ѣно[и]* 42768, д. 1, л. 13; *би^ѣную* 43363, д. 42, л. 1; *бе^ѣвистоно* (sic) 43363, д. 24, л. 7; *по ся мистѣ* 43363, д. 28 (листы не пронумерованы); *нигде* ('нигде') 43363, д. 27, л. 6; <пустошь> *Офримова* 43280, л. 93 (ср.: *Офрѣмова* 43280, л. 92); *з дивкою* (первоначально написанное и исправлено на **ѣ**) 43363, д. 27, л. 6; *и^ѣ ни^ѣ-чикова помистѣя* 42757, д. 8, л. 2; *помисно^ѣ* 43363, д. 3, л. 2; *в Обонижской пятины* 43363, д. 28 (листы не пронумерованы); *Обонижские* (Род. ед.) 42757, д. 29, л. 1; *вели^ѣ* 42757, д. 8, л. 2; 43280, л. 1; 42768, д. 1, л. 13; *вели^ѣ* (и исправлено на **ѣ**) 43280, л. 65⁴.

Отметим отдельно написания, встреченные в записях на оборотных сторонах челобитных, в приложениях руки местных священников: *мисто* 42788, д. 1, л. 1 об. (челобитная написана на территории Деревской пятины); *мисто* 42777а, д. 8, л. 1 об.; *Обернибисова* (Род. ед.) Там же (Обонежская пятина).

* *Нѣчикъ* — не явившийся, отсутствующий, тот, кого нет налицо, см. [Срезневский 2, 489; СлРЯ 11, 323].

** Применительно к последним четырем формам предполагается, что ассимилятивное смягчение зубного перед следующим зубным уже произошло, поскольку новгородские берестяные грамоты свидетельствуют о том, что результаты этот процесса имели место еще в XII веке, ср.: *везъ девати* Гр. № 710.

Позиция перед мягкими согласными

недили 43363, д. 26, л. 1; *о^мди^нною* <грамоту> 42757, д. 5, л. 1; *обимя* 42757, д. 25, л. 2; *помистье* 42757, д. 40, л. 4; *помистью* 42757, д. 6, л. 1; *помистья* 43363, д. 38, л. 5 и др. (в этом слове — часто); *помисть ѡмом* 43363, д. 3, л. 2; *помистейца* 43363, д. 28 (листы не пронумерованы) и др. (в этом слове часто); *испомистить* 42757, д. 8, л. 2; *двисте* 42757, д. 36, л. 1; *Мокию* 42768, д. 1, л. 15 (2 р.); *Мокия* Там же; *Ма^нфие^е* 42757, д. 8, л. 2; *Мосия* (Род. ед.) 43363, д. 2, л. 9; *Мосие^еские* <жены> (Род. ед.) 43363, д. 2, л. 8; *Е^риева* (Род. ед.) 43363, д. 2, л. 9; *дозрити* 42757, д. 4, л. 10; *до^ри^м* (инф.) 42757, д. 21, л. 4; *велили* 42757, д. 40, л. 4; *владие^м* 42757, д. 40, л. 4 (2 р.)⁵.

В одном из текстов, написанных, по всей видимости, на территории Обонежской пятины, есть форма *ниче^е* ('ничего') 42777а, д. 8, л. 1, а в приложении руки священника из Деревской пятины, имеется написание *по ево величю* 42788, д. 1, л. 1 об.

Позиция конца слова

воп^чи 42757, д. 25, л. 2; д. 40, л. 4 (2 р.); 43280, л. 1; *мни* 43280, л. 1; *теби* 42757, д. 40, л. 4; *нигде* ('нигде') 43363, д. 2, л. 8.

Ср. также написание и в падежных формах, которые, впрочем, скорее всего, обусловлены морфологически: *жени* (Дат. ед.) 42757, д. 36, л. 1; *на реки* 42757, д. 40, л. 4; *по сохи* 42757, д. 25, л. 2.

Отдельно приведем написания, где буква **ѣ** заменяется на **и** в местоимениях, поскольку вполне возможно, что появление подобных форм имеет морфологическую природу: *ти* <пустоши> 42757, д. 4, л. 10; д. 6, л. 1; *ти^х* <пустошей> 42757, д. 6, л. 1; *тими* 42788, д. 4, л. 1; *вси* 23458, л. 25; *вси^м* 43280, л. 1.

Имеются и случаи обратной мены и на **ѣ**, которая также осуществляется во всех позициях и является чрезвычайно показательной, поскольку, будучи гиперкорректной, свидетельствует о том, что прямые замены **ѣ** на **и** имеют, несомненно, фонетическое значение.

Позиция перед твердыми согласными

бѣль чело^м 42788, д. 2, л. 1; *с осмѣною* 43363, д. 26, л. 1; *Ильѣнъ с(ы)нъ* 43363, д. 15, л. 6 (ср.: *И^нинъ с(ы)нъ* 43363, д. 15, л. 5); *женѣшко* 42777а, д. 4, л. 1; *о^мделѣ^т* 42757, д. 2, л. 1, 3; д. 25, л. 1; д. 37, л. 1; 43280, л. 65.

В грамоте, написанной на территории Обонежской пятины, встречено написание *пострѣтца* ('постричься') 43363, д. 43, л. 1.

Позиция перед мягкими согласными

аксѣица 42788, д. 3, л. 1; *о^мделѣти* 42280, л. 144; 42768, д. 12, л. 4; *ро^дделѣ^т* 43280, л. 1.

В тексте, написанном, по-видимому, в Деревской пятине, встречена орфограмма *убѣли* 42788, д. 2, л. 1.

Позиция конца слова

велѣ (императив) 42757, д. 32, л. 1, 2; 43363, д. 15, л. 6.

В грамоте из Обонежской пятины имеется аналогичное написание: *велѣ* 42777а, д. 8, л. 1.

Можно заключить, что взаимная мена букв **ѣ** и **и** во всех позициях свидетельствует о том, что в новгородском произношении ***ѣ** совпал с [и]. Замена же **ѣ** на **е** для истории русской письменности — явление тривиальное, которое не всегда имеет прямое отношение к говору писцов. Еще в древнейших памятниках, преимущественно церковнославянских, было отмечено смешение букв **е** и **ѣ**, хотя древнерусский язык фонемы <ѣ> и <е> различал. А.А. Шахматов нашел объяснение этому явлению, приняв во внимание тот факт, что старославянский **ѣ** был ближе к русскому [е], нежели к русскому [ѣ]. В силу этого обстоятельства русские люди в своем произношении церковнославянских слов читали **ѣ** не как [ѣ], а как [е], что и дало повод к смешению на письме букв **ѣ** и **е**, см. [Шахматов 1886, 212–214]. Такой орфографический навык позволял писцам заменять изредка **ѣ** на **е** и в чисто русских памятниках [там же, 215]. Не стали исключением и новгородские берестяные грамоты, в которых издревле присутствовал графический эффект замены **ѣ** на **е** [Зализняк 1986, 105–109]. С другой стороны, уже в более позднюю эпоху — в XV–XVII вв. — выработалась норма правильного употребления **ѣ** в слоге под ударением и регулярной замены его на **е** в безударных слогах, что было характерно для московских и некоторых севернорусских памятников соответствующего периода [Дурново 1914, 161]. Несомненно, что писцы, составлявшие челобитные грамоты, были знакомы с такой орфографической системой и могли усвоить, что буквы **ѣ** и **е** взаимозаменяемы. Следует заметить, что памятники с заменой **ѣ** на **и** и иногда на **е**, подобные рассматриваемым здесь, историкам языка известны и объясняются ими в свете вышеизложенных фактов, см. [Виноградов 1923, 266; Ягич 1889, 44].

Реализация этимологического **ѣ** в собственно новгородских говорах конца XVI – первой половины XVII века может быть сопоставлена с его реализацией в говоре новгородской периферии того же перио-

да. Речь идет о диалекте Нагорной половины Обонежской пятины, то есть о тех говорах, которые составляют сейчас Ладого-Тихвинскую группу севернорусского наречия и примыкают с северо-востока к современным новгородским говорам. Материалом исследования послужили памятники делового письма, созданные в Тихвинском Успенском и Александровом Свирском монастырях в конце XVI – первой половине XVII века (46 рукописных источников, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН, фонды 3 и 132, общим объемом около 3000 листов): 20 приходно-расходных книг казначеев, 11 приходно-расходных житнических книг, три переписные книги монастырского имущества, 1 вкладная и 7 таможенных книг, 3 выписки из межевальных, отписных, сыскных и писцовых книг и 1 книга “с перечнем перебежчиков из-за Шведского рубежа”.

В исследованных текстах довольно широко представлено употребление букв и и е в соответствии с этимологическим *ѣ в ударном слоге. Ниже приводятся некоторые примеры.

Позиция перед твердым согласным

Буква и: *би^ллым* 30–2^б; *Бижи^нкого верху¹* 8–7 об., 9–20 и др.; *Бижсы^нкои* пятины 1257–61; *би^лые* 1262–54; *би^нки* 1262–26; *бл(а)го-вищение* 33–87; *о^твищено* 1262–8; *жсеребе^н гни^д* 1257–48 об.; *дила^т* (инф.) 30–5; *дила^н* 30–52 об.; *задила^н* 2–27 об.; *подилыва^н* 30–52; *поди^нку* 30–52; *коли^н*а 1257–64; *ливое* 1257–48 об.; *ли^с* 11–11 об.; 25–9 об.; *девя^тми лит* 1257–64/64 об.; *медви^жя* 1262–40 об.; *ме^дви^дно* 1259–60; *ми^дных* 1262–3; *миру* (Вин. ед., очень часто); *недомирки* 1262–56 об.; *Орихова* (Род. ед.) 1258–12 об.; *зари^нких* 12–1 об.; *сви-жи^т* 1262–51 об.; *сина* (Род. ед.) 1–24 об.; *си^п* (кр. прил.) 1260–18; *сиры* (Род. ед. от сущ. *сѣра*) 1262–45; *челови^к* 1257–54 и т.д.

Буква е: *Бежи^нко^с верху* 20–11; *в неме^нкую бе^ж* 1–89 об., 102 об.; *бело^н* 1259–6; *Обернибесову* 9–9; *гне^д* 1260–18 об.; *левая* 1260–78; *на левои* 1257–8 об.; *ме^нкую* 1–73 об.; *меру* 20–15; *с о^тметомъ* 1260–2 об.; *ме^т* 1259–10 об.; *з заре^нкого гумна* 31–41 об., 42 об.; *репу* 1–102; *сено* (очень часто); *се^п* (кр. прил.) 1260–29 об.; *серы* 1–211; *се^{ра}* 2–32 об.; *тележны^т* V–7; *челове^к* 1260–5 и т.д.

Позиция перед мягкими согласными

Буква и: *на^сстричу* 8–12; 29–96; *Стритение г(о)^с(под)не* 22–26; *в диви^ч м(о)н(а)^ст(ы)рь* 1–61; *дिति* 23–10; *колини* 1260–34; *в лисе* (и исправлено на *ѣ*) 15–7; *миди* (род. ед.) 1261–2, 3, 11 об.; 1261–50;

ме^двиде^нкого 30–10; *мири^м* (инф.) 15–48; *мире^н* 23–9 об.; 25–9; *мире-но* 23–4, 5; *мирена* 25–5 об.; 27–4 об.; *на мисе^н* 8–1, 4, 5, 11, 14; 11–2 и др.; 25–2, 2 об. и др.; 35–6; *мисечны^х* 2–19 об.; *мисечину* 8–7 об.; *мисечины* (Род. ед.) 8–11, 14 и др.; *три не^дли* 1–32 об.; *повиту* 24–9; *от рички* III–4; *к рички* III–4 об.; *з зари^чя* 12–3; *сви^ч* (Род. мн.) 1261–16; VI–18 об.; *сия^м* (инф.) 20–15 об.; 25–11, 13 об.; 30–13 об.; *сия^н* 27–14 об.; *сияно* 25–11; *симени* (Род. ед.) 20–13 об.; 25–11; 27–13; *двѣ сити* 1–54; *си^ч* (инф.) 25–9; 30–12 об.; *сичены* III–4; *Ивану Засикину* 20–16 об. и т.д.

Буква е: *Новодевичя м(о)н(а)^ст(ы)ря* 27–10 об.; *месечины* 11–1; *по колени* 1260–36 об.; *отметина* 1260–2 об., 15; *вотметина* 1257–2; *с недели* 1–33 об.; *за неделю* 1–54; *на свечи* 1–5 об.; 10–14, 19 об.; 15–38 об.; 21–104 об.; 22–1 об., 24 об.; *сеѣ^м* 32–120; *телеги* 1–70; V–88.

Позиция абсолютного конца слова

Буква и: *окроми* 11–18 об.; *двѣ* 8–4 об., 6 об., 7 об., 10; 11–3; VI–5 об.

Буква е: *зде* 11–18; *двѣ* (часто); *все* 31–36 об., 38.

В ряде случаев имеется обратная мена, то есть буква ѣ используется для обозначения исконных гласных [и] и [е].

Позиция перед твердыми согласными

ѣ вместо и: *белѣ* (Род. мн. от сущ. *бѣлила*) 1262–3, 11, 46 об., 50; *вѣны* 13–50 об., *рѣзь* (Род. мн. от сущ. *рига*) 12–2 об., 5, 13 об.; 30–50; 31–41 об., 42; *порѣ^нных дене^н* (производное от того же корня) 6–58 об.; 33–117 об.; 39–5; *свѣтку* VI–2 об.; *свѣточново сукна* VI–9; *три сѣта* 9–12 об.; на *Сѣтомли*⁸ 1–34 об.

ѣ вместо е: *мѣдѣ* 1–174 об.; *немѣцкую* 1–86 об.; *застѣ^нки* 6–5.

Позиция перед мягкими согласными

ѣ вместо и: *верѣги* 15–49, 2; *грѣве^нки* 1–112; *нѣте^н* (Род. мн. от сущ. *нить*) 14–15 об.; *с рѣги* 12–1, 1 об., 2; 31–42 об., 50 об., 52, 54.

ѣ вместо е: *пѣч* 1–119.

На первый взгляд, картина складывается такая же, как и в новгородских челобитных грамотах, то есть можно подумать, что рукописи из Тихвинского Успенского и Александрова Свирского монастырей тоже отражают изменение *ѣ в [и] во всех позициях, однако статистический анализ показывает, что здесь есть некоторые отличия. Если в новгородских челобитных замена ѣ на и и е равномерная, то есть

во всех позициях осуществляется в одинаковом процентном соотношении, то в рукописях, представляющих говоры новгородской северо-восточной периферии, в положении перед буквами, обозначающими твердые согласные, *ѣ* на месте *ѣ* встречается значительно чаще, нежели в положении перед буквами, передающими мягкие согласные. Так, в корнях слов в позиции перед твердыми согласными *и* на месте *ѣ* встретилось 300 раз, *ѣ* — 145 раз (соотношение 2:1); в позиции же перед мягкими согласными *и* отмечено 120 раз, *ѣ* — 20 (соотношение 6:1). Все это наводит на размышления о том, что судьба фонемы <ѣ> в говорах северо-восточной новгородской периферии в конце XVI — первой половине XVII века в разных положениях могла быть неодинаковой.

Должно быть, в позиции перед мягкими согласными **ѣ* изменился в [и] (при этом редкие случаи замены буквы *ѣ* на *ѣ* в данном положении объясняются рассмотренными выше причинами появления *ѣ* на месте *ѣ* в рукописях, смешивающих *ѣ* и *и*). В положении же перед твердыми согласными *ѣ* продолжал сохраняться, реализуясь в звуке неоднородного качества, возможно, в дифтонге [иѣ] с преобладанием первой части.

Именно произношением <ѣ> как [иѣ] можно объяснить регулярное чередование в рассматриваемых рукописях букв *ѣ*, *и*, *ѣ* перед буквами, обозначающими твердые согласные. В.В. Виноградов отмечал, что для передачи всех оттенков звука [ѣ] в русской графике существовало всего три буквы, поэтому за ними могли стоять самые разнообразные значения. Так, буква *и* была способна передавать звуки [и], [иѣ], [иѣ] и даже [ѣ]; буква *ѣ* — [ѣи], [ѣ] и даже [иѣ]; буква *ѣ* — [ѣ], [ѣ] и, возможно, даже [иѣ], см. [Виноградов 1923, 168].

В современных говорах Ладого-Тихвинской группы отмечается последовательное произношение [и] на месте старого *ѣ* и перед мягкими, и перед твердыми согласными, находящееся, впрочем, как правило, в сосуществовании с [ѣ] [см.: Атлас сев., карты № 53, 54; Атлас сев.-зап., карта 22]. Можно предположить, что наличие случаев произношения [ѣ] на месте *ѣ* является результатом современного расшатывания диалектной системы под влиянием литературного языка или соседних говоров, поскольку диалектологические материалы более раннего периода — конца XIX — начала XX века — свидетельствуют о повсеместном и устойчивом характере произношения [и] в соответствии с *ѣ* во всех положениях [Перетц 1894, 4, 5; Соболевский 1897, 35, 47; Соколов 1909, 281; Материалы... 1910, 194; Диалектологический материал... 1914, 325–327; Свод... 1910, 8–11].

А.И. Сологуб, специально занимавшаяся историей Ладого-Тихвинской группы говоров, пришла к выводу о том, что последовательное произношение [и] на месте старого *ѣ* во всех возможных позициях развилось там примерно в XVI–XVII веках [Сологуб 1973, 151]. Вышеприведенный же анализ рукописных источников способствует некоторому уточнению этой датировки: судя по всему, в первой половине XVII века [и] на месте **ѣ* в положении перед твердыми согласными еще не произносилось, и процесс унификации рефлексов старого **ѣ*, возможно, следует отнести к несколько более поздней эпохе.

Здесь возникает закономерный вопрос — как могла сложиться ситуация, при которой в собственно новгородских говорах конца XVI — первой половины XVII в. **ѣ* изменился в [и] во всех позициях, а в говорах новгородской северо-восточной периферии в одной из позиций — перед твердыми согласными — этот процесс еще не завершился.

Если обратиться к древненовгородскому диалекту, представленному берестяными грамотами XI–XV веков, то окажется, что лишь около четверти грамот, смешивающих *ѣ* с и, содержат примеры такого смешения перед твердыми согласными, тогда как в остальных случаях смешение *ѣ* и и затрагивает только позицию конца слова и перед мягкими согласными (или *ј*), см. [Зализняк 1986, 108].

Самый ранний пример написания буквы и на месте *ѣ* в позиции перед твердым согласным зафиксирован в найденной летом 1998 г. берестяной грамоте № 810, датируемой 60–70-ми годами XII века: *ризано* (т.е. Род. мн. от сущ. *рѣзана*)⁹. В грамоте последней четверти XIII века (№ 148) отмечена форма *ѡвѣдаюса* (впрочем, нет полной уверенности в том, что это образование от глагола *оувѣдатиса* ‘расчесться’, а не от глагола *оувѣдатиса* ‘увидеться’). В более же существенных количествах примеры замены *ѣ* на и в положении перед твердым согласным появляются в берестяных грамотах лишь с середины XIV в. Ср. данные грамоты № 358 (1340 – не позднее 1357 г.): *приухавъ, синомъ, с кимъ, в мирѹ* (Вин. мн. от сущ. *мѣра*), *перемиръ* (корень *мѣр-*). В той же грамоте имеются также замены *ѣ* на и в позиции конца слова и перед мягким согласным: *на гѹмни, при сови, надовн, кони* (Вин. мн.), *в клить*. Для столь небольшого по объему текста, как берестяная грамота, буквенную замену *ѣ* на и, представленную в таком количестве, можно считать массовой.

В XIV веке создавались и грамоты, в которых представлена обратная мена — и на *ѣ*, причем также во всех позициях. В частности, материал грамоты № 366 (40–70-е гг. XIV в.) таков:

съ харѣтономъ,
харѣтонъ, харѣтоно,
своѣхъ, грѣвоны
(т.е. гривны), грѣвоны,
лукѣнъ, таншѣнъ
(фамилия)

урадѣса

гюргѣ (им. ед.), трѣ,
нѣ (частица 'ни'),
послусѣ

Таким образом, можно думать, что лишь к XIV столетию *ѣ в новгородском диалекте перешел в [и] не только в позиции конца слова и перед мягкими согласными (что произошло раньше), но и в позиции перед твердыми (где до XIV века, видимо, произносился дифтонг [иѣ])¹⁰. В дальнейшем повсеместное произношение [и] сохранилось в собственно новгородском диалекте по крайней мере до середины XVII столетия.

Что же касается говоров северо-восточной новгородской периферии, то ситуация с рефлексами *ѣ, наблюдавшаяся там в первой половине XVII века, может быть объяснена исходя из истории заселения данного региона.

Начало распространения на Прионежье новгородских погостов относится к 40-ым гг. XI века, когда образовалась территория "Обонежского ряда", который в XII веке уже охватывал верхнее течение р. Сяси и восточную сторону ее нижнего течения, течение р. Паши, течение р. Ояти, начиная с верховьев, и выходил к южной оконечности Онежского озера [Насонов 1951, 74, 99]. Ту территорию, которую сейчас можно назвать Тихвинским краем, в прошлом составляла Нагорная половина Обонежской пятины с прибавлением трех погостов Бежецкой пятины. В XV веке, перед утратой Новгородом самостоятельности, в Тихвинском крае насчитывалось 28 погостов. Это указывает на то, что в период XIII–XIV веков Нагорное Обонежье уже было достаточно населено [Мордвинов 1925, 6].

Эти исторические данные позволяют заключить, что основное заселение территории Тихвинского края (Нагорного Обонежья) носителями новгородского диалекта происходило до XIV века, то есть в то время, когда в собственно новгородском говоре не сформировалось окончательно произношение [и] на месте *ѣ перед твердыми согласными, а присутствовал в этой позиции дифтонг [иѣ]. В дальнейшем случилось так, что этот тип произношения в периферийных северо-восточных новгородских говорах задержался еще на несколько веков, а в собственно новгородском диалекте вскоре был заменен произношением [и] на месте *ѣ во всех позициях.

Еще одна особенность реализации рефлексов древнего *ѣ в говорах первой половины XVII века, локализовавшихся в северо-западном регионе, может быть восстановлена на основании текстов делового содержания, написанных в Торжке.

В отказной и отдельной книге по Новоторжскому уезду 1614–1627 гг.¹¹ отмечается взаимная мена букв ѣ и и в ударных слогах. Особенно ярко она проявляется в почерке, которым написаны лл. 318 об.–357 об., 360 об.–371, 405–406 (за 1621–1624 и 1628 гг.).

Замена ѣ на и

В позиции перед твердыми согласными: *миры* (Род. ед.) 333; 356; 364 об.; 367; *запустила* (от глагола “запустѣть”) 335; 340 об.; 363; 366 об.; *запустило* 335 об./336; 336.

В позиции перед мягкими согласными: *Михиева* (Род. ед.) 348; *на рички* 352.

В позиции перед звуком, обозначаемым буквой щ: *блго-вище"скои по"* 363 об.

Замена и на ѣ

мпо кнѣга" 324 об.; 350 об.; *по ... кнѣгамъ* 330; *с кнѣ* 356; *отделѣль* 339; 360 об.; *в иѣ* 350 об.; 357 об.; *в нѣхъ* (ѣ написан поверх и) 343 об.; *по/д/ Максѣмовы"* (название села) 334 об.; 335 об.; *Максѣмо" снѣ* 363; *Максѣмову сну* 362 об.; *Максѣмо"ского помѣ"я* 363; *в Ыльѣньскои волости* 331; 352; *в Ыльѣньские волости* 350.

Должно быть, в речи писца *ѣ звучал близко к [и] (как именно — во всех позициях изменился в [и] или в положении перед твердыми согласными еще реализовался в виде дифтонга [иѣ]), — на основании такого небольшого количества примеров определить сложно). Возникает, однако, закономерный вопрос, не являлся ли этот писец уроженцем северо-западных по отношению к Торжку областей, где были распространены говоры описанных выше типов со звуком [и] в качестве рефлекса *ѣ. Скорее всего, такое предположение следует отклонить, поскольку в том же почерке, в котором отмечена мена букв ѣ и и, встречаются случаи отражения аканья, для севернорусского наречия нехарактерные: *Ка"дратьевъ* 350; *Ка"драшка* 319 об.; *Ка"ма* 340 об.; *Ка"сакова* (Род. ед.) 343; 405; *Афимье* (Дат. ед.) 347; *стараты* (sic) (Род. ед.) 324; *Тиханъ* 371; *у Тихана* 356; *Тихано"ское помѣ"стье* 356; *селцо ... запусѣлѣ* 335/335 об.; <пустошь> ... *запустило* 335 об./336; 336; <деревня> *Высокоя* 327 об.; 328¹².

Показательно, что и в других почерках наблюдается изредка смешение букв **ѣ**–**и**. Например, *ни^мчика* (Род. ед.) 246 (ср. в том же почерке отражение аканья: *по^ттары* 288 об.; *с озорода^а* 315 об.; *с(ы)на^а еѣ с Мирона^а* 317 об.); *отделѣль* 280; *отделѣти* 279; *передѣлѣти* 279 (ср. в том же почерке: *вдѣва* 253 об.; *на смѣте* 257 об.; *с(ы)на^а* 269; 269 об.; 270; *ско^ака* 266 об.).

Таким образом, рукописные источники свидетельствуют о том, что в первой половине XVII в. говорам, локализовавшимся в районе Торжка, были известны результаты изменения *ѣ в [и] (или реализация его в определенных позициях в виде дифтонга [иѣ]). Сейчас произношение [и] на месте *ѣ говорам данной территории в целом не свойственно, будучи известно лишь в единичном распространении в отдельных населенных пунктах [ДАРЯ, карты 40, 41]. Значит, эта диалектная особенность подверглась за последние столетия нивелировке.

Итак, в первой половине XVII в. изоглосса рефлексации *ѣ имела в северо-западных говорах следующий вид. Собственно новгородский диалект фонемы <ѣ> уже не имел, поскольку во всех позициях в ударных слогах она заменилась фонемой <и>. Говоры северо-восточной новгородской периферии — Тихвинского края — знали изменение *ѣ в [и] в позиции перед мягкими согласными и, скорее всего, в конце слова. В положении же перед твердыми согласными фонема <ѣ>, видимо, еще сохранялась, выступая в виде дифтонга [иѣ] (с преобладанием первой части). В торжковских говорах также имелись и-образные рефлексы *ѣ, однако конкретное распределение их по позициям пока неясно.

Современная лингвогеографическая картина применительно к рефлексам *ѣ имеет иной вид. Новгородские говоры характеризуются произношением [е] перед мягкими согласными [ДАРЯ, карта 41] и преимущественным произношением [е] перед твердыми при наличии населенных пунктов в окрестностях Новгорода, где в этой позиции звучит [и] [ДАРЯ, карта 40]. В Ладого-Тихвинских говорах представлено [и] во всех позициях (часто в сосуществовании с [е], что является инновацией). Торжковские же говоры в целом, как было сказано выше, знают на месте ѣ звук [е] ([и] встречается единично в отдельных населенных пунктах). Подобное сужение ареала распространения и-образных рефлексов *ѣ в северо-западных диалектах связано, скорее всего, с языковым влиянием, которое шло со стороны говоров центра, изначально изменивших *ѣ в [е]. Возможно, впрочем, что влияние осуществлялось и со стороны псковских говоров, где издревле рефлексом *ѣ также был звук [е]¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Древняя Новгородская земля, простиравшаяся на огромной северо-западной территории, была разделена на пять частей, которые именовались пятнами (Деревская, Шелонская, Бежецкая, Водская и Обонежская). В свою очередь, каждая пятна делилась на множество более или менее обширных округов, носивших название погостов. Подробное описание новгородских пятин и погостов см. в кн.: [Неволин 1853].

² Оп. 1246, ст. № 43280 (1597 г.), оп. 1245, ст. № 42768 (1619 г.), оп. 1246, ст. № 43363 (1622 г.), оп. 1243, ст. № 23458 (1627 г.), оп. 1245, ст. № 42777а (1628 г.), оп. 1246, ст. № 43311 (1628 г.), оп. 1243, ст. № 23459 (1626–1629 гг.), оп. 1243, ст. № 23460 (1630 г.), оп. 1245, ст. № 42788 (1639 г.).

³ О месте "приписки" сообщалось в начале грамоты. Напр.: *бье^м чело^м холо^м твои Шело^мские пя^мны новокреце^м Давы^мко Бара^мчиев 43363, д. 1, л. 5; бью^м чело^м холо^мни твои бе^мпом^мстные Бъ^мсе^мцкие пятини Тве^мские полови^мчы Алекса^мдри^м Петро^мсьн^м Ме^мницкои да Гри^мка Серг^мме^мсьн^м Ме^мницкои да Ива^мнка Ивано^мсьн^м Загр^мско^м 43363, д. 5, л. 1.*

⁴ Впрочем, и в глагольном суффиксе может быть обусловлено не только фонетически, но и морфологически.

⁵ См. предыдущую сноску.

⁶ Первое из чисел, следующих за словоформами, обозначает номер рукописи по описям Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (рукописи из описи № 2 фонда 132 обозначаются арабскими цифрами, тогда как рукописи из описи № 2 фонда 3 — римскими), а второе — номер листа. Материал источников дается в упрощенном написании — таком же, как приведенный выше материал новгородских челобитных грамот.

⁷ Рукописные данные свидетельствуют о том, что звуки [ш], [ж], [ц] исконное, а также глухой долгий шипящий и его звонкий коррелят произносились писцами твердо, в то время как [ч] (или выступавшее на его месте [ц'] было мягким.

⁸ Речь идет о д. Ситомле, расположенной недалеко от Тихвина, см. [Соколов 1909, 286].

⁹ Сведения об этой грамоте были сообщены А.А. Зализняком в лекции, прочитанной в сентябре 1998 г. на филологическом факультете МГУ.

¹⁰ К.В. Горшкова доказала, что изменение *ѣ в [и] в говорах новгородского типа происходило именно через стадию дифтонга [иѣ] [Горшкова 1972, 109], а о том, что изменение *ѣ в [и] осуществлялось вначале в положении перед мягкими согласными при сохранении его как особой фонемы перед твердыми, писал еще Р.И. Аванесов, см. [1955, 91].

¹¹ РГАДА, фонд 1209, оп. 2, № 11463 (лл. 233–270 об., 279–377 об., 384–406).

¹² Возможно, имеется в виду деревня "Высокое", и тогда данный пример придется рассматривать не как отражение аканья, но как свидетельство заударного яканья, что, впрочем, также говорит в пользу несевнерорусского происхождения писца.

¹³ О рефлексах ѣ в псковских говорах см.: [Галинская 1997, 68, 81–83].

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И., 1955: Фонетика, in *Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот*. Москва, 79–102.
- Атлас сев. = *Атлас русских говоров центральных областей к северу от Москвы*. Рукопись. Хранится в ИРЯ РАН.
- Атлас сев.-зап. = *Атлас русских говоров северо-западных областей СССР*. Рукопись. Хранится в ИРЯ РАН.
- Галинская Е.А., 1997: Из исторической фонетики псковских говоров, in *Вопросы русского языкознания*, вып. VII: *Русская диалектология: история и современность*. Москва, 67–119.
- Горшкова К.В., 1972: *Историческая диалектология русского языка*. Москва.
- Виноградов В.В., 1923: *Исследования в области фонетики севернорусского наречия: очерки из истории звука ъ в севернорусском наречии*. Петроград.
- ДАРЯ = *Диалектологический атлас русского языка* (Центр Европейской части СССР), вып. I: *Фонетика*. Москва, 1986.
- Диалектологический материал... 1914 = Диалектологический материал по Новгородской губернии, собранные Новгородским Обществом Любителей древности / Обработал Н.Н. Соколов, *Русский филологический вестник*, т. 71, № 1–2. 312–333.
- Дурново Н.Н., 1914: *Записки по истории звуков русского языка*. Харьков.
- Зализняк А.А., 1986: Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения, in Янин В.Л., Зализняк А.А., *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.)*. Москва, 89–219.
- Материалы... 1910 = *Материалы для изучения великорусских говоров*, вып. 9. Санкт-Петербург.
- Мордвинов И.П., 1925: *Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: исторический очерк*. Тихвин.
- Насонов А.Н., 1951: “Русская земля” и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Москва.
- Неволин К.А., 1853: О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты, *Записки Императорского русского географического общества*, кн. VIII. Санкт-Петербург.
- Перетц В.Н., 1894: Деревня Будагоща и ее предания, *Живая старина*, т. 4, вып. 1. Санкт-Петербург, 3–18.
- Свод... 1910 = Свод материалов, собранных Московской Диалектологической Комиссией / Обработал Н.Н. Дурново, *Труды Московской Диалектологической Комиссии*, вып. 2. Варшава, 6–15.
- СлРЯ = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, т. 1–23. Москва, 1975–1997.
- Соболевский А.И., 1897: *Опыт русской диалектологии*, вып. 1: *Наречия великорусское и белорусское*. Санкт-Петербург.
- Соколов Н.Н., 1909: Поездка в Тихвинский уезд, *Русский филологический вестник*, т. 62, № 3–4. 102–128.

- Сологуб А.И., 1973: О формах дательного–предложного падежей единственного числа типа *пече, грязе* в русских говорах, in *Исследования по русской диалектологии*. Москва, 144–155.
- Срезневский И.И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 1–3. Санкт-Петербург, 1883–1912.
- Шахматов А.А., 1886: *Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века*. Санкт-Петербург.
- Ягич И.В., 1880: *Критические заметки по истории русского языка*. Санкт-Петербург.